

## МЕНТАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК КОГНИТИВНО-ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА МЫШЛЕНИЯ ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДЧИКА

И. Н. Ремхе

*Магнитогорский государственный университет*

Поступила в редакцию 10 февраля 2014 г.

**Аннотация:** в свете новых тенденций понимания перевода с точки зрения его многоаспектности с акцентом на коммуникативной, эпистемической и когнитивной функциях языка рассматривается переводческий процесс как динамическая, эвристическая система, предполагающая набор определенных элементов когнитивно-эпистемического характера. Опираясь на теорию «ментальных пространств» Ж. Фо-конье, автор указывает на необходимость построения когерентной картины ситуации перевода в виде фрейма, связывающего информационное пространство текста на языке оригинала и перевода, что прослеживается в ходе эксперимента «мысли вслух» при анализе этапа понимания текста техническим переводчиком.

**Ключевые слова:** когнитивный, эпистемический, ментальное пространство, процесс перевода.

**Abstract:** with the view of new tendencies considering a multi-aspect approach in translation and focusing on the communicative, epistemic and cognitive functions of the language, the article presents the translation process as a dynamic, heuristic system with a number of elements of a cognitive-epistemic type. Taking G. Fauconnier's theory of 'mental spaces' as a basis, the author argues the necessity to build a coherent situational space in translation of technical texts in the form of frames connecting mental spaces built up in the original and target languages. This is shown with the help of a 'think aloud' experiment carried out in the field of technical translation.

**Key words:** cognitive, epistemic, mental space, translation process.

Развитие переводоведения в XX веке, проходящее в несколько этапов, определило основные тенденции изменения характера переводческой деятельности и методологии перевода. От семантического компонентного анализа в переводе в период признания лингвистического принципа частичной семантической общности языковых единиц отмечаются переход к новому этапу рассмотрения перевода как особого вида речевой деятельности и развитие интереса к динамической, процессуальной стороне перевода, что отразилось в разработке динамических лингвистических моделей перевода [1, с. 5–6]. Наконец, во второй половине XX в. изменяется характер переводческой деятельности в сторону доминирования информативного перевода, задачей которого становится создание аутентичного текста на двух языках, что особенно актуально при рассмотрении научно-технического перевода.

В результате расширения разделов лингвистики и ее макролингвистических компонентов, включая психолингвистику, этнолингвистику, лингвистику текста, сопоставительную лингвистику, прагмалингвистику, когнитивную лингвистику и другие, постулируются многоаспектность перевода и более широ-

кое понимание предмета теории перевода, входящего в сферу лингвистики в ее современном состоянии, с акцентом на таких функциях языка, как коммуникативная, эпистемическая и когнитивная.

По словам А. Е. Кибрика, эпистемическая функция подразумевает, что язык – основная общественно значимая (опосредованная мышлением) форма отражения окружающей человека действительности и самого себя, т.е. форма хранения знаний о действительности. Познавательная (когнитивная) функция характеризует язык как средство получения нового знания о действительности. Эпистемическая функция связывает язык с действительностью (в единицах языка в виде гносеологических образов закрепляются элементы действительности, выделенные, отображенные и обработанные сознанием человека).

Познавательная (когнитивная) функция связывает язык с мыслительной деятельностью человека (в единицах языка и их свойствах материализуются структура и динамика мысли), т.е. языковые единицы приспособлены как для номинации элементов действительности (и далее – хранения знаний), так и для обеспечения потребностей мыслительного процесса [2].

В то же время язык является основным средством человеческого общения (коммуникативная функция),

передачи информации от говорящего к слушающему (адресату). В силу этого свойства языка естественным образом согласованы с потребностями и условиями протекания коммуникативной деятельности человека, составляющей важнейший аспект его социального поведения, так как общественная, в том числе трудовая деятельность человека, невозможна без обмена информацией.

Получается, что эпистемическая функция позволяет рассматривать языковую систему как способ хранения и передачи знания и как отражение картины мира, в то время как когнитивная функция относится непосредственно к мышлению человека и познанию действительности. Коммуникативная же функция включает контактоустанавливающую (фатическую) и информационную составляющие. В силу того что любой перевод представляет собой особую форму коммуникации, что характерно для специализированной области, такой как экономика, технология, психология, биология, лингвистика и других, мы не можем обойтись без использования терминологического аппарата смежных, а порой и несколько отдаленных дисциплин (психолингвистики когнитивной и компьютерной лингвистики).

Коммуникация есть нахождение точек соприкосновения при восприятии, обработке и передаче информации, что происходит повсюду в нашей повседневной жизни. Вербальная форма передачи информации, свойственная человечеству, является лишь одним из элементов адаптации человека к окружающему миру, что позволяет сделать технологический прорыв во многих отраслях науки и техники и обрабатывать большое количество информации. При этом мы мыслим образами и концептами, которые не всегда могут найти выражение в языке, но позволяют понять и поддерживать коммуникацию порой на невербальном уровне.

За последние десятилетия слово *информация* используется в настолько разнообразных словосочетаниях (информационный век, информационное общество и пр.), что не удивительно было бы предположить, что понятие *знания* вошло в употребление лишь как более престижное слово, синонимичное информации. В профессиональной области слово *знания* более предпочтительно. В научном же дискурсе два слова представляют два разных концепта. Не будет лишним предположить, что информация состоит из отдельных, не связанных между собой высказываний или пропозиций о реальных или вымышленных фактах, в то время как знание представляет собой связанную, заданную, систематизированную и размещенную (локализованную) информацию. Информация – это результат сбора, знания, когниции [3].

Тем не менее при всей разнородности и разнотипности переводческого процесса, которую невоз-

можно уложить в единую схему последовательно выполняемых действий, существует, на наш взгляд, определенная направленность переводческого процесса, вектор которой направлен в плоскость так называемого *ментального пространства*, где располагаются структуры (ячейки), наполняемые различным содержимым в процессе познавательной деятельности. Понятие *ментального пространства* было введено франко-американским логиком и когнитивным лингвистом Ж. Фоконье, проанализировавшего ряд речевых конструкций, которые обладают теми же прагматическими свойствами, что и пропозиционные установки. К таким конструкциям относятся, например, упоминания любого условного отображения реальности («В этом спектакле», «На этой фотографии») и синтаксические маркеры сослагательного наклонения («якобы», «как если бы»). Аналогичную роль могут играть отсылки к определенному историческому периоду («в 1793 году») или культурно-географическому региону («в Афганистане»), коль скоро в силу обстоятельств для этих периодов и регионов оказалось характерным формирование своей собственной «онтологии» – отличной от принимаемой в качестве базовой («наивной») системы семантических и ценностно-прагматических связей. Фоконье предлагает называть подобные, относительно не проницаемые для наших знаний системы смысловых контекстов *ментальными пространствами* [4, с. 159].

Теория Ж. Фоконье сыграла ключевую роль в определении когнитивных факторов, особенно принципов организации знаний и процедурных стратегий семантической интерпретации, часто в терминологии обозначаемых как «логика» естественного языка. Когнитивная модель Фоконье довольно проста. Ментальные пространства представляют собой домены, которые используются для сбора информации определенного рода. Такие домены могут представлять, например, мир, репрезентированный в изобразительном искусстве или книге, точке зрения человека, ситуации, происходящей в данное время и в данном месте, личные надежды, гипотетическая или выдуманная ситуация и т.д. В рамках этих пространств объекты могут быть репрезентированы как существующие, а взаимоотношения связывают только данные объекты не независимо от статуса данных объектов и их связей в реальном мире [5].

Здесь важно понимать, что подобное ментальное пространство индивидуально для каждого переводчика, и скорость наполняемости «ячеек», их классификация или структурирование зависят от свойств и скорости памяти, объема поступающей информации из внешнего мира и в процессе профессиональной деятельности, специфики переводческой деятельности (устная, письменная).

Представление ментального пространства в виде фрейма довольно удобно, так как позволяет ввести понимание некоего основания, регулирующего внутренние взаимоотношения между информационными ячейками и осуществлять поиск необходимого элемента в потоке сознания. Ведь понятие коммуникации предполагает «узнавание» знакомых элементов и выстраивание новых взаимоотношений посредством ассоциаций, что можно наблюдать не только в реальной жизни, но и в нашем сознании при попытке понять содержание передаваемого сообщения.

Зарубежные ученые затрагивают проблему «фрейминга» [6] с периода появления коннективизма. Они утверждают наличие у человека способности принимать во внимание и интерпретировать в соответствии с тем, что релевантно текущей ситуации, и ограничить, тем самым, количество информации, которая подвергается рассмотрению в данном процессе. Долгое время в переводоведении обсуждается вопрос о том, почему переводчики никогда не могут просто воспроизвести функции и значения текста в другой культуре и ситуации, но лишь с условием необходимости принятия решений и выступить в качестве эксперта и интерпретатора [7]. Необходимо построить не только когерентный текст, но и когерентную картину данной ситуации. Модели, построенные на семантических составляющих, сменяются когнитивными, экстралингвистическими и эмоционально окрашенными моделями фреймов, схем и сценариев [8] или прототипов [9]. Понимание и использование языка, включая перевод, предполагают наличие опыта данного конкретного индивидуума, полученного из мира, вне зависимости от лингвистических знаний. Понимание начинается до этапа прочтения текста, с понимания переводчиком текущей ситуации сообщения и активации «ожиданий», связанных с контекстом.

Кроме того, с появлением направления коннективизма было доказано, что когниция, присущая человеку, равно как и перевод, отличаются гибкостью и конструктивностью, вопреки мнениям ученых, существовавшим ранее. Мозг более не был представлен как база данных, а скорее как динамическая холистическая сеть, состоящая из различных схем активации знаний. Наша память более не рассматривалась как хранилище разрозненных сценариев, тонов, запахов, движений и эмоций, а как основа для интеграции различных комбинаций данных элементов в единый «блок» («chunk»). В дальнейшем эти блоки связываются между собой посредством ассоциаций, основанных на предыдущем опыте [10].

В результате эксперимента «Мысли вслух», проведенного автором при участии студентов-переводчиков университета г. Бат (Великобритания), суть которого состояла в устном комментировании переводчи-

ком всех когнитивных процессов и операций, производимых им в процессе перевода текста научно-технического содержания, которые отличаются высокой степенью информативности, были отмечены следующие характерные особенности на этапе понимания:

1. Переводчик сразу понимает, о чем идет речь, так как происходит кластер узнавания данной информации, в силу того что подобная ситуация оказывается знакомой из жизни.

2. Не зная слов, переводчик догадывается об их значении из контекста, т.е. «адаптирует» незнакомые слова к знакомому содержанию посредством ассоциаций и тем самым добавляет смысл новых слов в соответствующий фрейм в своем ментальном пространстве.

3. При понимании одного предложения может быть активирован определенный ситуативный фрейм с полным совпадением всех внутренних элементов и сработать эффект антиципации, предвосхищая содержание оставшейся части предложения.

4. Если «узнавание» не происходит, и адаптивная стратегия не приносит результата, т.е. при попытке восстановить содержание посредством подбора возможных значений, общий смысл остается непонятным, то это нарушает целостность фреймовой структуры и приводит к отрицательному результату в переводе.

По сути, любая проблема, возникающая в процессе перевода, сродни решению логической задачи, требующей перебора возможных вариантов и нахождения того, который позволит максимально приблизиться к устоявшейся системе смысловых контекстов, существующих в языке. Это заставляет задуматься о том, что наш мозг вполне может работать с опережением, догадываться, додумываться или, как говорится, «мыслить вперед», что приводит к необходимости исследования процесса перевода мысли в текст, не заикливаясь на анализе текстового содержания, так как он представляет собой готовый продукт, являясь итоговой «выдержкой» сложных когнитивных процессов, приведших к формированию текста.

Если рассматривать различие между техническим письмом и техническим переводом в свете разницы между информацией и знаниями, возникает вопрос источника. Технический перевод отталкивается от одного источника, которым является текст оригинала при возможном подключении дополнительной информации, в случае если это требуется для понимания текста переводчиком или необходимости адаптации текста перевода для новой аудитории. Техническое письмо обычно составляется на основе множественности источников. При этом составление текста представляет собой интеллектуальный процесс, учитывающий экспертные знания в заданной области, аккумулирующиеся в итоговом тексте. Профессио-

налы, работающие над текстом, не просто воспроизводят информацию, а задают ее значимость для исследуемой области, создавая таким образом знания. Созидание знания является основообразующим элементом для технического письма и редким для перевода.

Подводя итоги, необходимо отметить, что переводческий процесс не поддается схематизации и должен рассматриваться как динамическая, эвристическая система, предполагающая набор определенных элементов когнитивно-эпистемического характера, где под эпистемическим понимается форма хранения знаний, рассматриваемая в форме фрейма и его активации в рамках ментального пространства, а когнитивный элемент относится к мыслительным процессам переводчика, осуществляющим сбор и обработку поступающей информации, что доказывает динамичность и эвристичность всей системы.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода / В. Н. Комиссаров. – М : Междунар. отношения, 1980.
2. Кибрик А. Е. Когнитивно ориентированная типология / А. Е. Кибрик // Вестник Рос. гуманит. науч. фонда. – 1998. – № 3. – С. 156–160.
3. Schubert K. Translation Studies : Broaden or Deepen the Perspective? / K. Schubert // Knowledge Systems and Translation / ed. by Helle V. Dam, Jan Engberg. Berlin ; N. Y. : Mouton de Gruyter, 2005. – P. 103–145.
4. Величковский Б. М. Когнитивная наука : основы психологии познания : в 2 т. / Б. М. Величковский. – М. : Смысл : Академия, 2006. – Т. 2.
5. Dinsmore J. Mental Spaces from a Functional Perspective / J. Dinsmore // COGNITIVE SCIENCE. Vol. 11. – 1997. – Issue 1. – P. 1–21.
6. Wheeler M. Cognition in Context : Phenomenology, Situated Robotics, and the Frame Problem / M. Wheeler // International Journal of Philosophical Studies. – 2008. – 16:3. – P. 323–349.
7. Nord Ch. Translation as a Purposeful Activity / Ch. Nord. – Manchester : St. Jerome, 1997.
8. Fillmore Ch. J. Scenes-and-frames semantics / Ch. J. Fillmore // Linguistic Structures Processing / ed. by Antonio Zampolli. – Amsterdam : North Holland, 1997. – P. 55–81.
9. Rosch E. Natural Categories / E. Rosch // Cognitive Psychology. – 1973. – № 4. – P. 328–350.
10. Risku H. A cognitive scientific view on technical communication and translation : Do embodiment and situatedness really make a difference / H. A. Risku // Target 22:1. – 2010. – P. 94–111.

Магнитогорский государственный университет

Ремхе И. Н., кандидат филологических наук, доцент

кафедры английской филологии и перевода

E-mail: Irina.N.Remkhe@rambler.ru

Magnitogorsk State University

Remkhe I. N., Candidate of Philology, Associate Professor of the English Philology and Translation Department

E-mail: Irina.N.Remkhe@rambler.ru